

18+

ВЛАДИМИР ЛИПИЛИН

**СПОСОБ
ИЗУЧЕНИЯ
УЗОРОВ
СНЕЖИНОК
НА ДВОРОВЫХ
КОТАХ**

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Владимир Липилин
Способ изучения узоров
снежинок на дворовых
котах. Короткие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611444

ISBN 9785448539848

Аннотация

Говорят, что всё про всё давно известно. Все литературные сюжеты миллионы раз на этой планете были использованы, все сочетания нот, в общем-то, тоже. Но счастливыми нас делают не глобальные изменения, а очень простые, как трава, вещи – разговоры с близкими людьми, забота о ком-то или такое нагромождение облаков в летний зной, которого никогда больше не будет. Ну, и, конечно, незапланированные случаи и приключения, где есть эмоция и путешествие человеческого духа. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Растрёпанный снег	5
А на реках мёрзнут лунки	10
Способ изучения узоров снежинок на дворовых котах	14
Ленин и Америка	16
Ветки яблонь на фоне вечернего неба	21
В ножички	23
След велосипедных шин. Этюд	24
Железнодорожное	29
Девочка и птицы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Способ изучения
узоров снежинок
на дворовых котах
Короткие рассказы**

Владимир Липилин

© Владимир Липилин, 2021

ISBN 978-5-4485-3984-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Растрёпанный снег

«Пока ходишь – надо ездить», – говорит один мой эпатажный друг.

А чем я лучше?

В выходные взял лыжи охотничьи, сел в автобус на автовокзале, через полтора часа вышел у нужного поворота и полетел.

Настоящее счастье почти никогда не имеет в своей составляющей энергии денег. Деньги – средство добраться до условий, при которых это счастье может возникнуть или нет.

Запомнить, запомнить, чтоб впоследствии использовать как лекарство. Через время всё равно запорошится бытовым хламом. И надо будет ехать добывать снова.

Как хорошо, что всё не наше и временное. Хорошо, что всё не навсегда. Стужа подчёркивает ценность жилища и тепла. И ничто так не подчёркивает жизнь, как зима, хотя годы принято измерять летом.

«Страна у нас невизуальная, – говорит один режиссёр, – но зачастую настоящее творчество и возникает там, где вроде бы и снимать нечего».

И правда – здравствуй, русское поле, я твой вообще не колосок... пылинка с просёлочной дороги. Фона никакого. Смотришь – небо, а через неуверенное тире горизонта – такого же цвета земля. Ну, сосны справа. Ну, заброшенный до-

мик лесника с сараем для сушки шишек.

И глупо думать, что ощущения даются извне.

«Вне» может быть любое. Вопрос в том, есть ли что-то внутри тебя? Хотя и не вопрос это...

Если не пусто, то какая-нибудь внешняя мелочь, нелепость могут вытащить что-то незнакомое, удивительное, рождённое вот прямо «здесь и сейчас».

А ты думаешь, что всё дело в море. Море – внутри. Просто, когда ты до него доехал, ты создал условия. Ничего не отвлекает, на работу не надо, по телефону только приятные звонки от друзей. Хотя зрительный контакт, да и осязательный, тоже, конечно, важен.

Впрочем, я-то море вообще терпеть не могу. Какие-то жирные или силиконовые тюленьи тела. Да и шумно там, гамно.

Мне нравится вот это бесконечное ничто. Я старомодно полагаю, что жизнь – это большое приключение. А география и менталитет сюда всегда добавят наипрекраснейшего абсурда.

В рюкзаке – пупырчатая курица, нога свиньи и водка. Несколько бутылок водки. Консервы и колбасу товарищ запрягает привозить.

Мы выпиваем, чтобы (не признаваясь в этом, конечно, себе) обманчиво и хотя бы на время приблизить ощущения детства. Ощущения приближаются, а детство (чего врать) нет.

Мы ходим за водой по узенькой тропке в ручей, варим щи в печи, и видим через окно, как лохмотьями валит, пахнувший мамой, пришедшей с мороза, снег. Если запрокинуть лицо – он залепит-закроет «ладонями» глаза: угадай, кто это? Такой снег бывает раза два за зиму, и то весной, когда у подъезда прощаться так не хочется. Снег – всегда добро, если ты, конечно, не дворник и не коммунальщик на грейдере. Снег умягчает сердца и предметы, он кружит фонарям головы.

В дыре из-под печки торчит компьютерная мышь. Глаза нарисованы маркером. Для большей убедительности по пластмассовой спине написано «мыш», для мягкого знака места не хватило. И кошачья миска перед ней.

Мы сидим, и пытаемся преобразовать опьянение в некие кривляния, в поиск радости. Мы не судим и не толкуем этот мир. Во-первых, потому, что лень. И зачем портить такой день? А во-вторых, потому, что мир всегда больше, чем все твои мотивировки и логические связи о нём. Как только тебе кажется, что ты какой-то его кусок объяснил, ты тут же попадаешь в тюрьму собственной концепции. Всё на свете одновременно становится и хуже, и лучше. Просто «хуже» всегда очевиднее, оно заявляет о себе громче.

Поздним вечером мы победоносно выходим пописать с крыльца. Это экзистенциональное, мужское. А в небе приветственный салют из звезд.

Ночью в кухонных часах ломается кукушка. Она просто

вылетает и застывает посреди своей дороги.

Утром я отправляюсь на тех же лыжах в районный город Краснослободск. Фотограф и единственный житель деревни, выходят со мной за околицу дорогу показать.

– Вон, видишь, – показывает пальцем абориген, – справа лесной язык, внутрь не суйся, там валежника дофига, обогнёшь лес и увидишь на горе город. Километров тут двадцать всего.

Река Рябка, которая встречается на пути, в месте брода – голая, холодная вода. Снимаю ботинки, заворачиваю штаны, лыжи на плечах, как у прыгунов с трамплина.

У торфяного болота – две чёрные норки. Они сплетаются и катаются кубарем. То ли любят, то ли дерутся.

Огибаю указанный лес, а там ещё один выступ, а за ним второй, третий.

И тут до меня доходит, что впереди-то ещё большая река. Мокша. В переводе с санскрита «катарсис». А вдруг и она незамёрзшая?

Лёд вперемешку со снегом, впрочем, стоит. Проталины с водой виднеются только посередине. Шагаю одной лыжей, второй. Держит. Добредаю до середины, вдруг на телефон во внутреннем кармане куртки приходит смс-ка. Она настолько громка и ошеломительна в той тишине и высоких

берегах, что катится эхом по руслу. Я машинально присаживаюсь, растопыриваю в стороны руки, как идиот...

...Когда выбрался сквозь кусты ивняка, райцентр уже проступал вдалеке. Сел на лыжи, как на доски, закурил. И придумал рекламный ролик для сотовой компании.

Идёт рыбак по реке. На плече ремень, на ремне, соответственно, ящик. В руке бур. И тут ему на телефон приходит сообщение. Рыбак кладёт ящик с буром на лёд, лезет во внутренний карман пухлой куртки. В этот момент лёд под ним проваливается, куртка быстро напитывается. Что тут говорить, тонет он.

Дальше – крупно, планирующий ко дну телефон, с сообщением от абонента «Жена»: «Купи корм рыбкам».

И слоган какой-нибудь «Мы здесь и по всей России!»

...До города оставалось километра четыре. Туда за мной на машине должна была приехать жена.

Снова, растрепанный, пошёл снег. Два раза я оглядывался, и ни разу не увидел следов.

А на реках мёрзнут лунки

Поезд идёт на запад. В географическом понимании это в корне неверно, но для людей, едущих из Сибири, всё, что за Уралом – «запад» или вообще «материк».

В поезде мужчины. Класс – который давно не принято учитывать ни в каком информационном поле. Работяги, золотодобытчики, газовщики. Я знаю людей, которых всего лишь упоминание об этом классе натурально бесит. Но, тем не менее, они есть. И кулаки у них такие, убедительные, что ли. По полведра.

Мужчины ведут гнилые разговоры. Красуются. Человек по природе страшный понтовщик, если не осаживать.

Есть, впрочем, рефлексирющие.

– Да после десятого года мир стал дико меняться и изменился. И время скакнуло прямо на глазах, то ли действие геной еды дошло, и человек мутировал, то ли зависть душист, всем хочется быть голубых кровей.

– Да с такими кровями ща тоже навалом, – бубнит, не умеющая на второй полке, тип, весь в наколках цветных.

– Братцы, я вам скажу, что реальности её вообще нет. То как ты относишься к тому, че тебя окружает и есть реальность. Вот все такие: уё-мое уж сколько лет не чувствую Новый год. А ты чё, в детском саду, что ли, незамутнённый, что ли? Не, милый, ты крылья неволью или от лени дерьмом

измазал, теперь продирайся к тому ощущению. Делай чё-то.

– Ага, я помню, мне бабка читала из «Писания», – совсем не в тему вещает ещё один, – что дьявол он из окошка придёт. И старухи на всякие праздники святые – то ветками берёз окна защищали, то ещё чем. А он, блин, не через то окно. Его-то окошечко «виндоус» называется.

Все кривят рты. Даже засыпающий.

К вечеру разговоры становятся рваными. Дополняются храпом, сопением.

– Мам, мам, а я стих придумала, – говорит с боковой полки девочка. И пытается на запотевшем окне, как на айпаде, раздвинуть, сделать покрупней заоконное.

Мама уже цыкнула пробочкой от полторашки, а стакан, запрошенный у проводницы вежливо, всё не идет.

– Мам, мам, стих, говорю, придумала, – девочка гонит каплю по стеклу.

– Да отстань. Ходит тут, ходит, задом водит, – маме не нравятся красивые проводницы.

Мужик через купе, не старый ещё, крепкий, который всю дорогу маялся тем, что вот «учинили „тряхомудие“, добропорядочному человеку покурить негде», диктует кому-то адрес:

– Заезжай. Баня, два коня, свиньи, овцы, пруд свой. Кроликов штук, наверно, шисят. Сношаюцааа! – последнее он выговаривает с таким придаханием и таким нагромождением эмоций – как, пожалуй, чеховский дядя Ваня выдавал

о небе, которое когда-нибудь будет в алмазах.

Путь здесь ещё не сделали «бархатным» и колёса отстукивают.

Мальчик лет двух идет от туалета и шлёпает себя по пузу резинкой от чистых колготок, сзади мама с горшком.

Мальчик не выговаривает шипящие, вместо «ш» и «ж», он произносит «ф».

И кричит на весь вагон, наполовину уже спящий.

– А теперь, давай фыкаладку.

У мамы счастье зашкаливает. Все мы как дети.

– Это за что же, – улыбается она.

– Нууу. Я ф молодец. Я ф покакал! – блажит он.

Ночь. Мужик, у которого кролики, выходит на станции. Сколько ни странствуй, но к этим вот звукам не привыкнешь никогда, они сладко ломают сердце. Когда поезд стоит в ночи. А через динамики дежурная и какой-нибудь бригадир дефектоскопистов переговариваются, умножая эхо. А потом этот лёгонький стук по крышкам букс —тук-тук.

Мама девочки сопит сидя, прислонив спину к перегородке.

Девочка шепчет:

– А на реках мёрзнут лунки. Рак не свистнет. Ну... Нечем дышать.

Луна бежит за составом, что привязанная. От стужи она в каком-то зеленоватом обруче. Как в кольце. И – леса, леса. Снег, снег.

На мостах, которые мы проезжаем, вагоны шумят сильнее.

Способ изучения узоров снежинок на дворовых котах

Приехал в дом к маме. Вышел в сад подышать. А там соседские дети за забором. Поймали чьего-то кота и не отпускают.

Вначале кот делал вид, что безмерно рад им. Трещал, как летом вентилятор. Дети восторженно шептались и приникали к нему, будто хотели препарировать. Будто искали, где сделать надрез.

Кот заволновался, он-то думал, будут кормить, но не получив хотя бы дохлой крысы, стал вырываться и ругаться кошачьим матом.

– Эй, – крикнул я им, – зачем животину мучаете?

– Мы не мучим, – дерзко сказали они. – Мы снежинки разглядываем. Они на нем не тают.

Перелез к ним через забор, чтоб не обходить. Снежинки сыпались редкие и падали на лоб коту, на усы и за шиворот. При этом светило солнце. И так каждая из них играла, так каждая уникальна была и узорчата, что страшно было дышать.

Кот, между тем, негодовал, и подпустил в голос драной мартовской хрипотцы.

– Что ж ты за упырь такой, – сказал я. – Потерпеть не мо-

жет. Мы ж тебе не хвост поджигаем.

– А это мысль, – сказал восьмилетний Димка.

– Даже не думай, – говорю.

Все замолчали и кот вроде как притих.

– Я могу чёрного поймать, – сказал Димка, – на нём еще прикольной видно будет.

Мы отпустили этого кота и пошли за следующим. А снежинки сыпались и сыпались. И солнце, между прочим, светило.

Мама увидела в окно, а когда я вернулся, спросила:

– Сколько, говоришь, тебе лет?

Ленин и Америка

Фотограф Кунаев – человек в городке N. известный. Закрутив винтом бутылку водки, он выпивает её за 37 секунд и затем снимает так, что прямо гений. Впрочем, эта необузданная страсть к выпивке толкает его к вечной изобретательности.

Кого только не притаскивал он в редакцию. Бесчисленных знакомых Высоцкого, собутыльников Венедикта Ерофеева, каких-то негров с саксофонами.

А как-то звонит вечером, орёт сквозь шум:

– Как ты думаешь? Какой главный приём в репортаже?

– Эффект присутствия, – говорю. – А чего?

– Вот и ты тут, заладил: эффект присутствия, эффект присутствия. А Стенькин говорит, что главное в репортаже – водка. Кстати, хочешь написать про американца одного, скульптора, который Лениных и Сталиных лепил.

– Американец? Ленина?

– Ну, да. Тема – не фуфло. Железно.

– Ты ведь опять подсунешь бомжа какого-нибудь. А я, доверчивый, напишу и огребу от редактора.

– Зуб даю.

Наутро Кунаев притащил в редакцию какого-то шустрого мужика. Он не просил червонец, и отказался даже от пива. Но по-русски шпарил и матерился.

Я отвёл фотографа в коридор.

– Какой же это американец? Ты на кирзовые сапоги его посмотри.

– Откуда я знал, – сказал огорчённо фотограф, потому что за интересную тему для текста, я всегда покупал ему бутылку. – Это мне знакомый один рассказал. Говорит, приехал, мол, на выставку упряжи для лошадей. Из самой Америки. А насчёт сапог, я подумал: ковбой, может?

Это потом выяснилось, что Америка – деревня на стыке трёх областей – Рязанской, Нижегородской и Мордовии. Что мужик этот скульптор, ныне интересующийся лошадьми.

А сапоги его такие, потому что в кедах не пролезешь там..

Он зазвал нас в эту Америку. Мы еле выбили командировочные и стали собираться.

– Чудно как-то... Америка, – не унимался фотограф. И мужик рассказал.

Когда-то, ещё до революции, неугодных крестьян, какой-то барин отправил на выселки. За удалённость дорог, городов и весей, те прозвали место Америкой. Когда явилась советская власть, к Америке добавилась приставка Сов.

Так и жили люди. В Америке. Но со Сталиным, и туалетами на улице.

...И вот мы на трёх лошадях с фотографом и Николаем Казаковым, как всадники, хрустя льдом в апрельских лужах, уносимся вдаль. Казаков зачем-то дал мне кнут. Раза три невзначай, я съездил им фотографу по уху. Из-под шубняка

он показал мне увесистый кулак.

От городка К. в сторону Нижегородской области ехать километров 18. От коней валит клубами пар. С галопа они сбиваются на шаг. Начинается так называемая Нижегородская тайга. Ёлки, ручьи в лощинах, бревенчатый настил, занесённый песком.

В прорехе показывается Америка. Без небоскрёбов и Нью-Йоркских огней. Советская Америка – это три двора, пруд и памятник Ленину.

В одной избе живёт Николай Казаков. Рядом баня, небольшая конюшня. В другой дом летом приезжает пасечник из села Кользиванова. А в третий, какой-то андеграундный музыкант из Москвы.

Этой деревни нет ни на одной карте. Дома были пустые. Председатель, в чьём ведении они находились, отдал их буквально за гроши. Собственно, благодаря удалённости места и лесу, в котором с годами всё больше и больше бурелом заполоняет тропы, ничего и не воруют. Так, разве что зеки беглые из мордовских лагерей или охотники забредут. Двери здесь открыты для всех.

Затапливаем печку, разговариваем. Фотограф крутит радиоприемник, ловит, как он говорит, этой Америки «голос». «Голос» молчит.

– Зимой и я тут не живу, – сообщает Казаков. – Зимой я в соседней деревне. Там у меня тоже избёнка. Так что я вроде буржуя получаюсь. А если серьёзно, то там у меня брат

живёт, начальник конезавода.

Сам Николай Казаков здесь с 93-го. Когда-то окончил в Петербурге Академию художеств. Помотался по городам. Разной дрянью, говорит, занимался. Бюсты вождей делал, памятники. В Минске, в Латвии. Потом засвербило, навалилась тоска какая-то. Уехал к брату. Но и здесь занимался тем же самым.

– Один раз, помню, – говорит Казаков, – когда я в союз уже рухнул, приезжает, значит, ко мне один большой чиновник из Нижнего. Как раз тогда мода пошла Лениных, Сталиных в офисах ставить. И вот покупает он у меня за доллары большой бюст Владимира Ильича. Потом звонит, говорит: – «Выслал за тобой машину. Никак не могу придумать, куда вождя этого поставить. Ты же всё-таки скульптор». Я приехал, глянул. На окошко – нехорошо. На столе – уж больно помпезно. А был в кабинете этого начальника шкаф такой старинный, книжный, не очень высокий. Вот, говорю, туда и поставь. Ну, кто ж знал, что он возле этого шкафа секретаршу свою стоя... это... того самого... пёр, значит. Припечатает её и жарит до посинения. И вот как-то от толчков его необузданных, Ленин возьми – и трах по башке этому члену партии. Он копыта и отбросил. Всё человеку дала Советская власть: кресло, машину, деньги. Секретаршу, наконец. А Ленин, спустя много лет после своей смерти всё и отнял.

Морозит. Тлеют угли. Фотограф хохочет. Выпил бутылку и хохочет. Я иду бродить по Америке. Кроме пустых изб

и пруда, от людей здесь осталась только околица из слег, берега с двумя скворечнями и этот памятник Ленину.

– Как Мамай прошёл, – слышу я голос за спиной. Это Казаков вышел за мной, чтоб я не заблудился. В лощине кричит ребенком какая-то лесная птица.

Набродившись, сидим на крылечке, глядим на спутник, который то есть, то нет его.

– Америка, йо, Америка, – выходит фотограф. – И какой му... чудака поставил в такой глуши этот памятник. Домов нету, а он, стоит.

– Это я поставил, – тихо говорит Казаков. – Весело жила деревня, хорошо. И тут председатель сказал, что все колхозы, как колхозы, а в этой Америке всё не как у людей. Ни одного памятника. Вот они с районным начальством и обьязали меня. После того, как его сюда привезли, один старик вышел и сказал: «Пипец Америке». Затушил о ладонь папироску «Беломора» и ушёл. И в самом деле, хотя, может, и не от этого, но с тех пор стали тут люди умирать потихоньку. Кто от чего. Половина разъехались. Так и не осталось никого. Домов уж нет, а он стоит. Сколько раз я просил трактористов: «Мужики, давайте снесём». А они ржут. Говорят: «Сам делал, сам и сноси». Даже за водку не хотят. Чудеса.

Ветки яблонь на фоне вечернего неба

Мы ехали, и вечернее солнце играло за обочиной в трёхлитровых банках, стоящих у ног берёз. Берёзы, будто тетки на рынке, за бесценок отдавали свои слёзы.

– Ну и зачем столько? – недоумевала мелкая. – Кто выпьет? Только болячек деревьям наделали.

И так много было в словах её жалости к этому простору, быть может, чересчур правильного, навязанного когда-то взрослыми в формулировке «так надо». А в голове моей всё равно стучало: не зря все, блин. Не зря. И эти походы в лес, и сайты с жуками-богомоллами-лисами. И полный портфель листьев, набранный по дороге из школы. И притаскивание в телефоне изображения старенькой велосипедной звездочки, которая вся в паутине «ну ты же любишь такое?»

В лесном прогале свернули с трассы, заглушили мотор. Дорога, вильнув, уходила в перелесок через поле. Барышня ринулась собирать на просёлке дождевых червячков, которых так много после дневного дождя. Прodelывала в пашне для них дырочки и засовывала «иди домой, иди». И такой вокруг запах стоял земли и неба... Всхлип после плача – вот какой был в тот момент мир.

А вечером жгли в саду костёр. Дым пьяненький, наглава-

тенький – «ну, ладно, чё ты» – вился вокруг извилистых станов, зазывал фруктовые деревья на вальсы. Вышибал у старых вишен слезу. И ни одна груша ему не отказывала.

Мелкая поджигала кончик прута, и махала им, высекала из воздуха хлёсткое, поддерживая огонёк.

– Эх, и нравится мне вот такой звук!

Все дружно ругали её: в глаз попадёшь, за шиворот уронишь. А она всё равно.

Уже и угли осоловело подёрнулись, стали задрёмывать. А мы все сидели и сидели с тёплыми лицами, говорили. И в простых словах тех, которые, в общем-то, ни о чём, был и другой, вполне себе ясный, посыл: «Как хорошо, что мы есть друг у друга. И как здорово жить на свете».

Вернулся с добычи скворец. Нырнул в дырку, разгрузился. Сел на ветку и стал думать, что он лягушачий хор. Потом поперхнулся, осекся, и немедленно вжился в роль удалого соловья.

В ножички

Ночью приехал Вован, сказал, что из коровы лезет мёртвый теленок. А все пьяные. Охота же вчера только открылась. Лёха вызвался и ехал с ним через лес по невидимым лужам-рекам.

На ферме они стали вытаскивать по частям теленка из плачущей коровы. По частям, потому что он там умер.

У коровы буквально текли слезы. Вована и Лёху рвало от запаха. Внутри ломались косточки плода. Вытащили, кинули в пакет, и поставили к выходу. А корова всё равно металась по клетке и искала, и трубила. И что-то жгло у Лёхи в груди.

Он вышел в туманное утро, закурил, и вспомнил её слова, когда она в его квартире надевала свои тянущиеся колготки:

– Блин. По-другому нельзя, что ли? Почему, ну почему обязательно нужно влюбляться? Почему человек предскажем, как робот?

Эти слова она, конечно, адресовала себе.

«Забей», – хотел сказать он. Промолчал.

В тумане, за фермой, у невысоких, набухших бордовыми почками берёз, токовали тетерева. И этими своими, ничем не примечательными «песнями», сводили его с ума. Маленьким таким ножичком, как в детской игре, расчерчивали сердце на своё и чужое.

След велосипедных шин. Этюд

Просёлочные дороги – это очень волшебная субстанция.

Их можно двигать, но они десятилетиями на одних и тех же местах. Потому что прокладывались тоже десятилетиями, и вот эта кошеляющаяся кривая – самый прямой путь. Попробуешь срезать – проплутаешь бестолку, морду себе непроходимыми ветками в ручьях обдерёшь, увязнешь, и в который раз убедишься, что никакое татаро-монгольское иго давно уже здесь невозможно.

А потом вернёшься туда же, откуда ушёл или уехал.

Рассказать эти дороги, толком объяснить (куда и какая из них ведёт) зачастую не может ни один абориген. Чего-то начнет про бакалдины, повёртки, рукава, лощины, калды, и обязательно уведёт в другую совсем степь.... Чего уж тут на «Гугл» пенять.

Существует мнение, если все эти грунтовки знать – можно по ним, не выезжая на шоссе, доехать, скажем, до штата Гонолулу и даже обратно. Но нам туда не надо.

Сейчас проселки укатали. Они блестят. На закате или при луне. Это очень красиво.

Путешествовал по этим красивым дорогам и я. На велосипеде. Без цели. Совершенно один. И был при этом дико счастлив.

«В пятницу легко любить жизнь, – говорил как-то мне

один прекрасный алкоголик со степенью доктора наук. – А знаешь почему? Правильно! Потому что впереди суббота и воскресенье».

У меня же вообще пока была среда и впереди все выходные.

Я ездил по этим дорогам, и спугивал в озерах цапель, они взлетали над гладью, а капли с их ног падали, оставляя маленькие круги. По лощинам и долинам бешено цвели сирени и вишни, а в них копошились и щёлкали уже соловьи. Как всё быстро наступает и проходит... Сначала я думал, что рано, и вообще с какой это стати здесь соловьи? А с такой. Соловьи живут, где хотят, как дух святой.

За целый день пути по этим просёлкам я не встретил ни единого человека!

Разве это не счастье? Конечно же, счастье.

Но к вечеру я все же купился на извилистые, отмеченные крохотной травой-муравой, следы. Деревню прошивали лучи закатного солнца, на высоких пиках висели скворечники. Я заехал со стороны огородов, и узрел через кусты зацветающих яблонь чью-то голову. Немного подождал, вдруг человек сел покакать, а тут я. Но голова как-то странно кивала, человек говорил с кем-то по телефону, никто же не станет говорить по телефону когда справляет нужду? И стало видно, что у сарая он сидит не на корточках, а на скамейке, почти вросшей в землю.

Это был трезвый и очень красивый мужик. Уши его были

так оттопырены, что, наверное, на него вообще никто и никогда не мог разозлиться. Рукава голубой рубахи засучены, на запястье наколка.

Я спросил дорогу к заброшенной деревне, куда, если получится, планировал заехать. Мужик дорогу не знал. Посоветовал добраться до конца селенья, и спросить там у Кутеповых.

В деревне пахло свежестью, как будто после дождя. Это из-за вечера и множества разных деревьев. На велосипедные мои покрышки то и дело налипали и, крутанувшись, отлетали мохнатые сережки-гусеницы то ли осин, то ли тополя.

На крыльце, сделанным домиком, сидели три дяди.

Приблизившись, я увидел, что у каждого из них по фингалу. И не просто по фингалу, а по фингалу аккуратно под каждым глазом. Словно нарисованные.

– Здрасьти, – сказал я.

Пёс отвел глаза в сторону и зарычал.

– Ничё се, – сказал один из типов. – Американский? – он смотрел на мой велик.

– Ну, – так небрежно решил построить я разговор, чтоб не показаться сразу добрым.

– Ход легкий, наверно? – не унимался тот.

– Да уж не тяжелый, – дерзил я. – Особенно с горы. В Бекетовку как проехать?

– А чёрт знает, – сразу свалил с себя ответственность мужик.

– Куда? – спросил вышедший на крыльцо дядя. Синяк у него был только под одним глазом, я сразу подумал, что он главный: сумел же увернуться и не получить под второй.

Повторил.

– А-а, в БекЕтовку, – просто он поменял ударение и для него всё изменилось. – Километров семь отсюда. Щас выезжаешь и...

– А я надеялся, ты в Кочетовку, сказал тот, который до рогу не знал, к Евгеше. Он мне косарь должен.

Я вытащил из рюкзака остатки воды, попросил разрешения наполнить баллон в колодце. Попросить воды на просторах родины- это такой всегда располагающий ход. Правда, только в деревне.

Я попил. Фотографироваться роскошные мужчины наотрез отказались.

Зато поведали, что они четыре брата. Живут в райцентрах. И каждый год на майские приезжают или пешком приходят сюда, в родительский дом. Выпивают, конечно. А потом рожу друг дружке квасят. Не из-за чего. Просто из-за мерзости жизни. А после опять, обнимутся, картошку сажают.

Заскрипел коростель. Мимо меня прошла кошка, в зубах у нее, как кляп, торчала мышь. Подойдя к одному из мужиков, она положила мышь под ему ноги, та не двигалась, кошка поддела её лапой и подбросила, мышь шлепнулась, дохлая.

– Хрен теперь заведёшь, – на полном серьёзе сказал дядя кошке.

Я поехал дальше. Нырлял в лощины, где пахло болотной травой и сыростью, поднимался на вершины холмов. И на одном из них остановился. Сел на поваленную ветлу. В голове лениво, не доходя до словесных конструкций, копошились мысли. Над головой висел Ковш.

И комаров ещё совсем не было.

Железнодорожное

Мой поезд через сорок минут. У деревянного бока станции цветёт сирень. И козы, встав на задние ноги, мягко срываю цветы одними губами. Наглые такие. Оглядываются и снова рвут. Прищуривая глаза, с удовлетворением уплетают.

– Так уж и не делают, – говорит мне начальник станции. – Не по-русски это, – продолжает чистокровный мордвин.

Май. Выходной. Земля обновки меряет. Я выспросил у начальника всё, зачем приехал.

А он рассказал.

И про генерала, зятя жены Пушкина, и про спиртзавод, и про табуны лошадей, усадьбу и чудачества. Про то, как вообще-то «железки» тут быть не должно. По плану пролегал бы ей в пятидесяти километрах. Но генерал имел связи, подсуетился, надавил. И рельсы пришли прямо к дому.

Начальник станции рассказал, я пожал ему ладонь и собрался уезжать.

– Так уж и не делают, – повторил он.

И как-то невежливо было обижать человека.

– Тут у нас кафешка открылась, – предсказуемо оживился начальник станции. – Ну, как кафешка, шашлычная. Там бильярд.

Действительно. Где я мог ещё в бильярд поиграть?

Чтоб далеко не бегать, бутылку ноль семь, прямо как помещики, поставили на маленький столик с длинной ногой. Столик оказался потом пюпитром. Запрокинув голову. То ли от удовольствия, то ли от от алкогольных паров стал таким пьяным, когда раз голову в небо – а там звезды, и отчетливо понимаешь – крутится, крутится, блин, Земля.

Играли мы самозабвенно и вдохновенно. Хозяин кафе расчувствовался: учредил и немедленно выдал нам приз в виде ещё одного стеклянного пузыря.

Потом были какие-то телефонные разговоры, где мелькали слова «баня», «журналист», «наш человек», и далее по-мордовски, неразборчиво.

Бревенчатая баня стояла на холме. И если за неё выйти – открывалась красивая панорама с изгибами рельсов, маневровыми тепловозами, паутинами-проводами надо всем этим. Соответствующими звуками вагонных сцепок и гудков.

Но чтоб за баню попасть, нужно было до неё дойти. А на цепи – пёс, не какой-нибудь там чихуахуа, а самый что ни на есть волк.

Хозяин бани пса негодующего придержал. Мы прошмыгнули.

– Зверюга, – отрекомендовал банщик друга человека. – Соседская курица ошиблась дырой, он её прям в клочья, в самый настоящий хлам. Сам его, на всякий случай, опасуюсь.

Минут через тридцать я в плавках и длинной до пят железнодорожной шинели, сидел на корточках возле того пса и дискутировал о превратностях жизни. Обнимал его, чесал за ухом. И он меня на тот момент отлично вполне понимал.

Мы играли в предбаннике в карты, запивали чем-то вяленого леща, а лещ, будто подмигивал нам прищуренным глазом: «всё нормально, пацаны, Крым наш».

Начальнику станции то и дело звонила жена, он честно обещал, что в одиннадцать будет. Так продолжалось пока не настало двенадцать.

А в четыре утра я поливал его, лежащего пластом на полатях, из шланга холодной водой, а он пел, что паровоз наш куда-то там летит.

Потом мне удалось всё ж прикорнуть. В восемь начальник станции пришел откуда-то в рубаше, галстук и с чемоданом. В чемодане что-то каталось и погромыхивало.

– А меня жена выгнала, – сообщил он.

– Круто.

– И не говори! Вот, ё, с вещами, – потряс он чемодан. Там опять громынуло, скатилось.

Я оделся.

Мы спустились к путям, перешагнули рельсы и направились вдоль шпал к железнодорожному высоченному светофору.

– В Москву? – почему-то спросил я.

– В Куалу-Лумпур, ёпт, – выговорил мой спутник. – Пока

к начальнику пожарного поезда. А там – как пойдет.

Начальник пожарного поезда, усатый и пузатый дядька, обитал в старинном одноэтажном здании. Внутри было прохладно. В стекле жужжала муха. На столе с зелёным бархатом громоздились массивные черные телефоны.

Станционный смотритель толкнул их чемоданом, щёлкнул двумя застёжками. «Вещами», с которыми его выгнала жена, оказались бутылка водки и лимон.

Я посмотрел на портрет Маркса, что висел на стене. И клянусь, что Карл Генрихович сморщился, как от пронзившей его внезапно боли.

Мы разлили по стаканам. Потом ещё раз. Мир медленно, как на фотобумаге при мокрой печати, становился пригодным для жизни.

Поезда моего в этот день не было. Можно было уехать только из точки, которая в тридцати километрах. Но я почему-то не переживал и не парился. Я придумал, что надо станционного смотрителя с женщиной его помирить. Он сначала был горделиво против, но затем помягчел.

Мы шли по летнему уже посёлку с чемоданом, и рвали, просунув руку в проём штакетин, чужие тюльпаны. Но не нагтели. С каждого поля по одному.

Пока дошли до дома, сформировался вполне себе уважительный букет.

Железнодорожник постучал в синюю калитку. К калитке была гвоздями приделана летящая чайка.

На стук вышла жена. Он упал перед ней на колени и протянул цветы.

– Дуралей, – поворошила она на его голове непослушные (в разные стороны) волосы.

Пили чай, смеялись, я напомнил, что мне вообще-то пора. Железнодорожник куда-то позвонил, и минут через двадцать к дому подъехал буханкой «УАЗ». По борту его, в пыли, бежали буквы «Психиатрическая помощь».

– Ну, извини, – развёл в сторону руки начальник. – Другой не было. Праздники, блин.

У машины он обнял меня и уронил слезу:

– Ты это, – сказал хрипло в ухо, – только уж на день железнодорожника обязательно приезжай. На рыбалку съездим. С ночёвкой. Во такие лещи у нас. Во такие, – раздвигал он свои экскаваторные ручищи.

Девочка и птицы

Алинке

В троллейбусе толстая тётка с зубом из металла типа «нерж.» сообщила, что если в небе вдруг какнет птица, и угодит этим добром в человека, то человек может смело готовиться к счастью, ну или к деньгам.

Маленькая девочка Алина, которая, само собой, считала себя взрослой, потому что «мне скоро семь», подвергла это тёткино утверждение глумливому сомнению.

– Хм, – сказала она.

И отвернулась. Просто однажды Алина видела такую картину. Но дяденька с испачканной лысиной, не вскочил на носочки, не кинулся танцевать лезгинку, он просто зашипел, а потом сказал такие слова, от которых вообще-то на губах вылезают страшные болячки. И чешутся.

Вечером, когда мама отпустила Алину с мячом погулять, она целых три минуты сидела на скамейке во дворе под берёзой, где склочничали, валтузили друг друга воробьи, болтала ногами, но счастья своего так и не дождалась. Не было даже посылы.

Тогда она взяла мяч и поскакала, напевая себе под нос «сон-ца луч». Как раз на солнце, с торца дома, в шикарной луже копошились, макались в лужу, и даже целовались ра-

дужные такие голуби. Алина подошла поближе, немного постояла, подумала, и как прыгнет прямо в середку водоёма. Голуби затрещали крыльями, будто ломились по валежнику, взмыли в небеса, глазам стало больно. И девочка дальше помчалась играть в мяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.